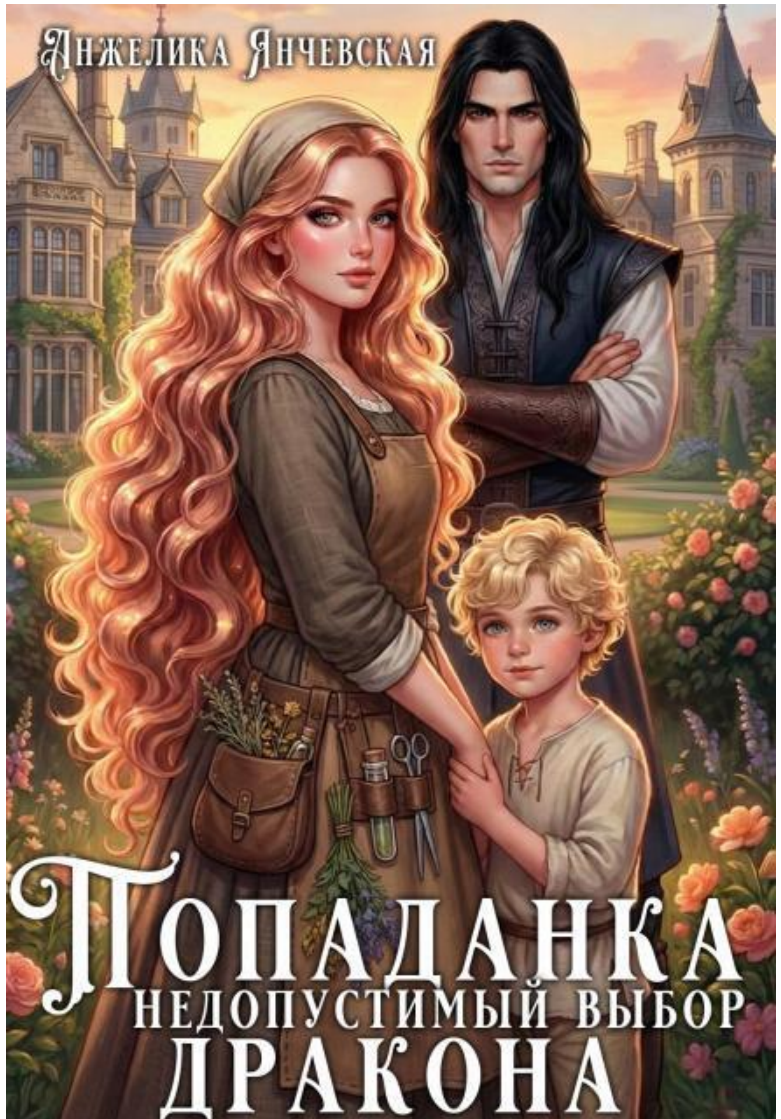

Анжелика Янчевская

ПОПАДАНКА

НЕДОПУСТИМЫЙ ВЫБОР

ДРАКОНА

Анжелика Янчевская

Попаданка. Недопустимый выбор дракона

<https://litres.ru/74204949>

Аннотация

Я умерла в своём мире одинокой пенсионеркой. И, казалось бы, на этом всё. Но судьба решила подарить мне новую жизнь — в теле юной сироты. Такой, что из всех богатств у неё только имя, пустые карманы и спасённый ею ребёнок, за которого её вышвырнули на улицу. Что ж, дарёному коню в зубы не смотрят, и сама не пропаду, и ребенка на ноги поставлю. Только бы драконы всякие под ногами не мешались.

Содержание

1	4
2	17
3	24
4	32
5	41
6	47
7	52
8	60
9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

— Что ты натворила, безмозглая дрянь?!

Голос лекаря Торгеса, жирный и мерзкий, как он сам, во-
рвался в утреннюю тишину лечебницы и взорвал ее, разле-
тевшись на тысячи острых осколков. Он заскрежетал по нер-
вам, заставив вздрогнуть даже тех несчастных, что забылись
под действием снотворных трав. Воздух, до этого пахнувший
болезнью и сыростью, наэлектризовался, зазвенел от напря-
жения. Так бывает только перед самой яростной грозой.

Я не спешила поднимать голову. Пальцы, будто живущие
своей жизнью, продолжали осторожно поправлять грубое,
колючее одеяло на крохотном тельце. Под ними я чувствова-
ла чудо — тихий, ровный стук маленького сердца. Слабый,
но уже не срывающийся в паническую трель. Мальчик ды-
шал. Глубоко, спокойно, больше не хрипя и не захлебываясь
каждым вдохом.

Еще вчера он горел. Настоящим, испепеляющим огнем
лихорадки, что сжирала его изнутри. Его кожа была сухой и
горячей, как раскаленный в горне металл, а из груди выры-
вались сильные, булькающие звуки. Смерть уже стояла у его
изголовья, заглядывая в полуоткрытые глаза своими пусты-
ми глазницами.

Но я ее прогнала.

Настойка из серебристого гриба, редкого и баснословно

дорогого, сделала свое дело. Пять серебряных монет, которые этот жирный боров Торгес хранил для какого-нибудь богатого купца, превратились в спасенную детскую жизнь. По моему, чертовски выгодный обмен.

— ГДЕ?! МОЯ?! НАСТОЙКА?! — Торгеса буквально трясло. Его пухлые щеки, обычно бледные и сальные, пошли уродливыми багровыми пятнами. Редкие, вечно грязные волосы на голове встали дыбом, а маленькие, глубоко посаженные глазки-бусинки налились кровью, превратив его в разъяренного кабана.

Вот теперь можно было и ответить. Медленно, давая ему насладиться моим показным спокойствием, я подняла голову и встретила с ним взглядом. Без страха. Без тени раскаяния. В глубине души, там, где моя новая личность еще не до конца срослась с этим телом, я усмехнулась. Неужели этот ходячий студень всерьез думает, что может меня напугать? Меня? Я ему не бедная сиротка, я жизнь пожила.

— Я дала ее ребенку.

Голос прозвучал ровно и холодно. Ни единой дрогнувшей нотки. Мой собственный голос, а не писк забитой сироты, которая тут была еще несколько дней назад. Торгес замер, будто ему с размаху вlepили пощечину. Его и без того приоткрытый рот отвис еще ниже, обнажая частокол желтых, кривых зубов. Он привык, что его помощница, эта несчастная забитая девочка, в чье тело я попала, при виде него вжимала голову в плечи и едва осмеливалась дышать. А тут — сталь

в голосе и прямой взгляд. Непорядок.

— ДА-А-АЛА-А-А?! — его рев был почти осязаем. Он ударился о каменные стены, прокатился под низким потолком и заставил больных в самых дальних углах поглубже зарыться в свои вонючие одеяла. — Этому... этому подкидыву?!

Толстый, похожий на сардельку палец ткнул в сторону кровати, где лежал спасенный мной мальчик. Движение было таким резким и полным ненависти, что я инстинктивно шагнула вперед, всем телом закрывая ребенка от его взгляда. Мое. Не отдам.

— Ты хоть представляешь, СКОЛЬКО стоит эта настойка?! — Торгес, войдя в раж, начал размахивать руками, словно дешевый актер в провинциальном театре. В одной руке он сжимал глиняную колбу, и ее содержимое плескалось, вылетая наружу. По помещению тут же разнесся тошнотворный, резкий запах какой-то его фирменной мерзкой микстуры, смешиваясь с привычной симфонией ароматов — немых тел, гноя и застарелых ран.

— Представляю, — спокойно ответила я, картинно вытирая руки о грубый фартук. — И представляю, что без нее мальчик умер бы еще до рассвета. А это, знаешь ли, плохо сказывается на репутации лечебницы. Трупы имеют свойство пахнуть.

Лекарь схватился за свои три волосины и сжал их в кулаке, словно пытаясь вырвать с корнем остатки разума. Его лицо

из багрового стало приобретать нездоровый, пугающий фиолетовый оттенок. На жирном лбу выступили крупные капли пота.

— КТО?! МНЕ?! ЗА?! ЭТО?! ЗАПЛАТИТ?! А?! — он подскочил ко мне так близко, что я почувствовала ураганный запах из его рта — чудовищную смесь перегара от дешевого вина, чеснока и гнили. — Этот сопляк?!

Торгес резко развернулся к кровати. Мальчик уже не спал. Проснулся от дикого ора, но, вопреки моим ожиданиям, не плакал. Он просто сидел, прислонившись к стене, и смотрел на лекаря своими огромными, бездонными темными глазами. В них не было детского страха. Только усталая, всепонимающая обреченность взрослого, который уже видел в этой жизни всё.

— Да его подбросили, как паршивого щенка! — не унимался лекарь. — В рваные тряпки завернули и оставили на пороге подыхать! Сирота! Никчемный! Вырастет — станет вором или убийцей с большой дороги!

Его жестикуляция становилась все более размашистой. Рука сбила с полки несколько склянок. Послышался звон бьющегося стекла. Разноцветные жидкости растеклись по грязному каменному полу уродливыми лужами, шипя и смешиваясь.

— А ты, идиотка, потратила на него НАСТОЙКУ ЗА ПЯТЬ СЕРЕБРЯНЫХ! ПЯТЬ! Да за эти деньги можно купить отличную дойную корову! Или двух жирных овец! Или

мешок лучшей пшеницы на всю зиму!

Я скрестила руки на груди. Поза получилась вызывающей, и это не укрылось от Торгеса. Его глазки-щелочки сузились еще сильнее.

— Можно было лечить травами! Обычными травами! — он ткнул пальцем в потолок, где висели пучки засушенных растений. — Мать-и-мачехой! Зверобоем! Подорожник, в конце концов, приложить! Они стоят жалкие медяки!

Господи, ну что за идиот, на затылке себе подорожник приложи, поможет?—пронеслось в моей голове, но в слух сказала другое.

— Травы не помогали, Я три дня поила его твоими отварами. Три дня меняла компрессы. Лихорадка только усиливалась. Он умирал. Медленно и мучительно. На твоих глазах. — отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу.

— МОЛЧИ! — Торгес в ярости взмахнул колбой, и остатки зеленоватой жижи полетели прямо в меня. Я легко уклонилась, даже сама не ожидала, никак не привыкну к молодому телу. Мерзкая микстура со шлепком врезалась в стену за моей спиной, оставив на сером камне мокрое, дурно пахнущее пятно. — С каких это пор ты стала такой... такой дерзкой?!

Он остановился в шаге от меня, тяжело дыша, как загнанный бык. Его жирные щеки ходили ходуном, а из-под распахнутой рубахи выпирало поросшее темными волосами брюхо.

— Раньше из тебя слова было не вытянуть! Мычала, как

корова, глазки в пол! А теперь... — Он недоуменно покачал головой. — Что с тобой стряслось? Порчу навели, не иначе!

Я лишь пожала плечами. Да, в памяти этого тела еще хранились фантомные ощущения той робкой, запуганной девчонки. Той, что боялась собственной тени и вздрагивала от каждого резкого слова. Но той девочки больше не было. На ее место пришла я. И я мычать не собиралась.

— Может, повзрослела, — сухо бросила я.

— Повзрослела?! — Торгес зашелся в истеричном, лающем смехе. — Ты?! Да ты с ума сошла! Тебе семнадцать лет от роду! Ты — пустое место! Сирота! Дочь портовой шлюхи и безымянного пьяницы!

Его слова были как удары хлыста. Рассчитанные на то, чтобы причинить боль, унижить, втоптать в грязь. Но они бились о стену моего нового мироощущения и падали к ногам, не причиняя вреда. Я видела, как он наслаждается каждым оскорблением, как смакует чужую боль, получая от этого извращенное удовольствие. Типичный абыюзер. В прошлой жизни таких было пруд пруди.

— Я приютил тебя, когда тебя вышвырнули из приюта, потому что ты стала слишком взрослой! — продолжал он свой спектакль. — Дал кров! Еду! Научил отличать ромашку от полыни!

Он широким жестом указал на полки, заставленные пузырьками и пыльными банками. Большинство из них были либо пусты, либо содержали нечто сомнительное, давно по-

терявшее свои свойства.

— Я дал тебе место у теплой печи! Сенник! Миску каши раз в день! А ты так мне отплатила? Воровством!

— Это не воровство. — Я сделала шаг вперед, и Торгес, наткнувшись на мой стальной взгляд, инстинктивно попятился. В его глазах впервые за все время мелькнул не гнев, а страх. — Это называется «исполнение лекарского долга». Спасение жизни. Детской жизни.

— ЖИЗНИ?! — его голос сорвался на пороссячий визг. — Да кому нужна его жизнь?!

Он резко развернулся к притихшим больным, которые, приподнявшись на своих соломенных тюфяках, с нескрываемым интересом наблюдали за представлением.

— Вы слышите эту полоумную?! — вопил Торгес, обращаясь к своей жалкой пастве. — Она спасает жизнь! А кто из вас, попрошаек, заплатит мне за лечение этого выродка? А? Ты? Или может ты?

Больные тут же потупили взоры и снова улеглись, натягивая одеяла до самого носа. Конечно, никто не мог заплатить. Они сами были здесь из милости, отдавая последние медяки за сомнительные отвары Торгеса.

— Да этот оборванец через год сдохнет от голода на улице! — лекарь снова развернулся ко мне, брызжа слюной. — А если не сдохнет, то станет разбойником и будет грабить честных людей! Таких, как я! Которые всю свою жизнь работают не покладая рук!

Честно работают... Я невольно окинула взглядом это убогое заведение. Десяток скрипучих коек. Смрад, от которого слезились глаза. Грязь, въевшаяся в стены и пол. Торгеса можно было назвать кем угодно — скрягой, шарлатаном, садистом, — но только не честным лекарем. Он «лечил» всех одним и тем же отваром, меняя лишь цвет жидкости и цену.

— Ты хоть знаешь, в какую сумму обходится твое содержание? — Он снова подошел вплотную, дыша мне в лицо. — Еда, одежда, крыша над головой! А отдачи — ноль! Одни убытки!

— Я работаю с рассвета до заката, — мой голос оставался ледяным. — Ухаживаю за больными, готовлю отвары, стираю грязные бинты, убираю за всеми вами...

— Работаешь?! — снова расхохотался он. — Да ты же криворукая и безмозглая! Ничего не умеешь! Только путаешься под ногами и жрешь мой хлеб!

Он схватил с полки пустую глиняную банку и с силой швырнул ее об пол. Осколки со звоном разлетелись во все стороны, едва не задев мои ноги.

— А теперь ты еще и воруеть! Мое добро! Мои кровные денежки на ветер пускаешь! Всё! Мое терпение лопнуло!

— ВОН! — Торгес ткнул в меня дрожащим пальцем. Его лицо исказила гримаса праведного гнева, так хорошо отрепетированная за годы. — Вон из моей лечебницы! Немедленно! Чтобы через час и духу твоего здесь не было!

Он промаршировал к кровати и злобно уставился на маль-

чика.

— И этого выродка забирай с собой! Не намерен я кормить чужие рты!

Мальчик даже не вздрогнул. Он просто смотрел на разъяренного мужчину недетскими взглядом. В них плескалась такая тоска и смирение, что у меня внутри все похолодело. Словно он уже проходил через это. Снова и снова. Словно знал, что его опять выгонят.

— Тшшш, малыш, — голос сам по себе стал мягким и ласковым. Я протянула к нему руки. — Пойдем отсюда. Здесь слишком шумно.

Ребенок безропотно подался вперед, когда я осторожно подняла его. Легкий, почти невесомый. Тонкие ручки тут же обвилились вокруг моей шеи. Он молчал. Упрямо, отчаянно молчал уже четвертый день. Ни слова. Ни всхлипа. Только тишина.

— И куда же ты теперь пойдешь, а? — ехидно бросил мне в спину Торгес. — У тебя же ни гроша за душой! Ни дома! Ни родни! Подохнешь в сточной канаве!

Он был прав. У меня и правда ничего не было. Только это грубое платье, тонкий, продуваемый всеми ветрами плащ и маленький, доверчиво прижавшийся ко мне мальчик.

— И чтоб земля под тобой разверзлась! — орал он мне вслед, когда я уже толкала тяжелую дверь. — Чтоб волки тебя в лесу сожрали! Чтоб проклятые драконы спалили тебя дотла!

Драконы... Интересно. В этом мире они просто ругательство или реальная угроза? Надо будет выяснить.

Тяжелая дубовая дверь с глухим, финальным стуком захлопнулась за моей спиной, отрезая меня от смрада лечебницы. Холодный утренний ветер тут же набросился на нас, ударил в лицо, забрался под тонкую ткань плаща, заставив поежиться. Я крепче прижала к себе мальчика, чувствуя, как он мелко дрожит.

Улица встретила нас серостью и сыростью. Город только просыпался. Где-то вдалеке лениво скрипнула телега, пролаяла собака. Солнце еще пряталось за плотными облаками, и длинные тени от покосившихся, будто пьяных, домов лежали на мокрых булыжниках мостовой. В воздухе пахло дождем, дымом из печных труб и еще чем-то... свободой.

Завернув за угол, я прислонилась спиной к холодной, влажной каменной стене. Ноги мелко дрожали — не от страха, нет. От банального голода. Желудок свело болезненным спазмом. Жидкая каша Торгеса была скорее водой с привкусом крупы.

— Ничего, малыш, — прошептала я, скорее для себя, чем для него, зарываясь носом в его спутанные темные волосы. — Я со всем разберусь. Мы с тобой не пропадем. Точно тебе говорю.

Ребенок молча уткнулся мне в плечо. Маленькие пальчики мертвой хваткой вцепились в ткань моего плаща, словно он боялся, что я сейчас поставлю его на землю и уйду. Как

все остальные.

— В прошлой жизни мне однажды полгода зарплату не платили, — продолжила я свой бессмысленный монолог, пытаясь унять дрожь. — И ничего, выжила. Даже нашла способ заставить их все вернуть.

Я оглядела узкую улочку. Кривые домишки, прижавшиеся друг к другу. Вывески: «Пекарь Ганс», «Сапожник Бруно», «Ткани и ленты». Где-то здесь должна быть работа. Где-то должны быть люди, которым нужна помощь. А значит, нужны и мои руки.

— Руки-ноги на месте, голова варит, — бормотала я, расправляя плечи. — Значит, справимся. В этом мире уж точно должно быть проще, чем пробиться через ипотеку и три кредита.

Я умела лечить. Память прежней хозяйки этого тела сохранила обширные знания о травах и снадобьях, а мой собственный, современный склад ума мог систематизировать и улучшить эти знания. А еще я умела выживать. Нужно было лишь найти точку приложения сил.

Пекарня? Вряд ли им нужна помощница с ребенком на руках. Сапожник? Тоже мимо. А вот лавка торговца... Может, им нужна уборщица? Или швея? Я могла и это. Могла готовить, убирать, присматривать за детьми. Да что угодно!

Я посмотрела на маленькое, доверчивое создание у себя на руках. Он перестал дрожать и теперь просто смотрел на меня. Внимательно, серьезно. Словно оценивал. Словно ре-

шал, можно ли мне верить.

— Не бойся, — сказала я твердо, глядя ему прямо в глаза.
— Я тебя не брошу. Теперь мы — команда.

Я оттолкнулась от стены и, крепче обняв свою драгоценную ношу, пошла вперед по улице, навстречу неизвестности. Голод скручивал живот, холод пробирал до костей, но впервые за эти несколько дней — я чувствовала, что нахожусь на своем месте. Казалось, что все только начинается, и я со всем справлюсь.

Казалось.

Небо, до этого просто хмурое и серое, решило, что с меня хватит полумер. словно сам мир ополчился на меня за мою минутную дерзость. Первые капли были крупными и холодными. Они упали на мои щеки, на лоб мальчика, заставив его вздрогнуть. А через мгновение небеса разверзлись.

На город обрушилась ледяная стена воды.

Проливной дождь хлынул сплошным потоком, мгновенно промочив до нитки мое тонкое платье и плащ. Узкая улочка превратилась в бурлящую реку, а звуки просыпающегося города утонули в оглушительном шуме воды. Я метнулась под ближайший навес — жалкое подобие крыши над лавкой какого-то торговца. Но и он не спасал: вода стекала по нему ручьями, хлестала по лицу и плечам.

Мальчик на моих руках снова задрожал, теперь уже от холода. Его одежда промокла, и я отчаянно пыталась укрыть его своим телом, но это было все равно что пытаться спря-

таться от цунами за соломинкой. Его хрупкое, только-только вырванное у смерти тельце снова оказалось под угрозой.

— Тише, тише, мой хороший, — шептала я, прижимаясь к скользкой каменной стене и чувствуя, как холод пробирает до самых костей. — Сейчас... сейчас что-нибудь придумаем...

Но что я могла придумать? Без гроша в кармане, с больным ребенком на руках, стою посреди чужого города под безжалостным ливнем. Надежда, такая яркая всего пару минут назад, скукожилась и утонула в ледяных потоках воды, бегущих по мостовой. Улица опустела. Все спрятались. Мы остались одни.

И именно в этот момент, когда отчаяние начало ледяными пальцами сжимать мое горло, я увидела их.

Из-за угла, из плотной завесы дождя, вынырнули две тени. Они отделились от серой стены напротив и двинулись в мою сторону. Два мужских силуэта.

Два силуэта, вынырнувшие из дождевой завесы, приближались с неторопливостью сытых хищников. Дождь барабанил по их капюшонам, стекал с плащей, но они, казалось, даже не замечали ледяных потоков. Они чуяли добычу, и она никуда не денется. Я крепче прижала к себе малыша, сжимая в объятиях это хрупкое, почти невесомое тельце, пытаюсь слиться с холодной стеной, стать призраком, раствориться. Но куда там.

— Смотри-ка, Джек, — голос того, что повыше, был хриплый, прокуренный, скрежетал, как несмазанное колесо старой телеги. — А кто это тут прячется от дождя?

— Сиротка, которую выгнал Торрес, — отозвался второй, пониже ростом, но шире в плечах, словно бочонок, набитый мышцами. — Мы слышали, как он на тебя орал. Видите ли, настойку украла.

Они остановились в нескольких шагах от меня, и в полумраке я смогла разглядеть их лица. Обветренные, небритые, с глазами, в которых плескалась только жадная алчность. Мелкие хищники, падальщики, которые кормятся чужими несчастьями.

— Эй, красавица, — высокий сделал шаг вперёд. Приветствие прозвучало, как плевок, и меня передёрнуло. А на его поясе я заметила нож. Клинок тускло блестел в пасмурном

свете, как глаз хищника, выжидающего удобного момента. — Тяжело тебе, небось? Без дома, без денег, с ребёнком на руках...

— Мы можем помочь, — подхватил коротышка. Его улыбка была отвратительной. Клеймо на губах, вытянутых в мерзкой гримасе, было словно меткой. — Конечно, за небольшую плату.

Я молчала, лихорадочно соображая. Что делать? Бежать? Некуда. Кричать? Никто не услышит в этом оглушительном шуме дождя. Спротивляться? Голыми руками против двоих с ножами? Да ещё с ребёнком на руках? Сердце колотилось в груди, как пойманная в силки птица.

И тут меня осенило. В памяти всплыл урок актёрского мастерства, который я когда-то посещала, потому что на пенсии было так скучно, что я чем только не занималась. Главное — самой поверить в роль, вжиться в неё.

— О боже! — воскликнула я с таким облегчением в голосе, что оба бандита замерли от неожиданности, будто наткнулись на невидимую стену. — Наконец-то! Я так вас ждала!

Высокий недоуменно нахмурился, его брови сошлись на переносице.

— Чего?

— Ну конечно! — Я сделала шаг вперёд, прижимая ребёнка к груди. Мой голос дрожал, но не от страха, а от показного волнения. — Вы ведь от барона, да? Он обещал при-

слать людей за мальчиком!

Упоминание барона действовало как ушат ледяной воды. Оба бандита замерли, словно статуи. В их глазах, где только что плескалась алчность, теперь отражалась тревога. Барон — это уже не просто бедная сиротка. Это власть, влияние, серьёзные проблемы для тех, кто посмеет егослушаться.

— Барон... Крагмир? — осторожно переспросил высокий. Его голос потерял всю свою хриплую наглость.

— Ну конечно, Крагмир! — Я изобразила нетерпение, подкрепляя его жестикуляцией. — Неужели он не предупредил? Это же его внебрачный сын! Он обещал прислать людей, перевезти ребёнка в более подобающую лечебницу!

Мужчины переглянулись, и я поняла, что попала в яблочко, да так, что аж стрела вздрогнула.

— Послушайте, — заговорил высокий совсем другим тоном. Его голос стал вкрадчивым, подобострастным. — Тут какое-то недоразумение. Мы просто...

— Просто что? — Я нахмурилась, изображая растущее подозрение. — Вы не от барона? А кто тогда? И что вам нужно от ребёнка знатного рода?

— Мы... мы ничего... — пробормотал коротышка, пятясь назад, словно мой голос был осязаемой угрозой. — Мы просто хотели помочь...

— Помочь? — Я презрительно окинула их взглядом, который буквально сочился брезгливостью. — С ножами напе-

ревес? Очень благородно!

— Простите, госпожа, — торопливо произнёс высокий.
— Мы не знали... Не хотели...

— Убирайтесь! — приказала я, повышая голос. — Немедленно! Пока я не пожаловалась барону на ваше поведение!

Они не стали спорить. Развернулись и быстро зашагали прочь, растворяясь в плотной, серой завесе дождя, словно два грязных призрака. Я проводила их взглядом и только потом выдохнула. Руки дрожали, а по спине стекал холодный пот. Не от страха. От адреналина. Чёрт возьми, получилось!

— Ну что, малыш, — прошептала я мальчику, поглаживая его по голове. — Тётя Алира умеет кое-что ещё, кроме лечения травами.

Дождь продолжал лить, превращая улицу в бурлящий поток. Стоять здесь бессмысленно. Нужно было искать укрытие. Я оглядела улицу. Большинство домов были наглухо заперты. Но в конце улочки, там, где она переходила в какой-то переулок, виднелось что-то вроде сарая. Покосившиеся стены, дырявая крыша, но хоть какая-то защита от ливня.

Прижав мальчика к груди, я побежала. Холодная вода хлестала по лицу, заливалась за воротник, но я мчалась к спасению, перепрыгивая через лужи и скользя по мокрым камням.

Дверь сарая висела на одной петле и скрипнула, когда я её толкнула. Внутри пахло прелым сеном, сыростью и мышами, но было сухо. Почти. Через дыру в крыше капала вода, но

основная часть помещения была защищена от дождя.

— Ну вот, — выдохнула я, опускаясь на охапку старого сена в углу. — Не дворец, конечно, но лучше, чем под открытым небом.

Мальчик сидел у меня на коленях, и я впервые смогла как следует его рассмотреть. Худенький, почти прозрачный. Тёмные волосы прилипли к голове, подчёркивая острые скулы и большие глаза. На вид лет четыре-пять, не больше. И молчал. Упорно, отчаянно молчал.

— Что же с тобой случилось, малыш? — тихо спросила я, поправляя его мокрые волосы. — Почему ты молчишь?

Он смотрел на меня внимательно, изучающе. В его взгляде не было детской наивности. Только настороженность и какая-то взрослая печаль, словно он уже видел в этом мире столько, что слов не осталось.

— Расскажи мне, — снова попыталась я. — Где ты жил? Кто о тебе заботился?

Молчание.

— Помнишь свой дом? Может быть, там были другие дети? Или взрослые, которые тебя кормили?

Ничего. Мальчик просто смотрел на меня, изучая моё лицо, словно пытаюсь прочесть там ответ на все свои вопросы.

— А как тебя зовут, малыш? — мягко спросила я. — У каждого должно быть имя.

И тут произошло нечто неожиданное. Мальчик медленно потянулся к шее и достал из-под рубашки тонкий кожаный

шнурок. На нём висел плоский камешек размером с монету, серый и неприметный. Он протянул мне камешек. Я осторожно взяла его, поднеся ближе к скудному свету, пробивавшемуся сквозь щели в стенах. На камне было нацарапано: «ТИМ».

— Тим? — переспросила я, поднимая глаза на мальчика.
— Тебя зовут Тим?

Он не кивнул, но что-то изменилось в его позе. Плечи расправились, он перестал сжиматься, словно это имя давало ему хоть каплю уверенности.

— Хорошо, — твёрдо сказала я, возвращая ему камешек.
— Будешь Тимом. Тимуркой. Тимошей. Как больше нравится?

Что-то дрогнуло в его глазах. Совсем чуть-чуть, но я заметила. Он узнал своё имя. Или то, что должно было быть его именем.

— Тим, — мягко повторила я. — Красивое имя. Сильное.
Мальчик спрятал камушек обратно за пазуху и снова уткнулся мне в плечо.

Я прижала к себе Тима. Его кожа была горячей, но не так, как вчера, когда он горел. Сейчас жар был похож на остатки догорающего костра — тепла было достаточно, чтобы согреть, но недостаточно, чтобы обжечь. Его организм боролся, и эта борьба, судя по всему, шла в нашу пользу.

Всю ночь я не спала, прислушиваясь к его дыханию и проверяя температуру. Она то поднималась, то падала, как ка-

признавая волна. Я держала его в своих объятиях, будто пыталась передать ему свою силу, свою волю к жизни. И, кажется, это сработало.

К утру его лоб стал прохладным. Дыхание выровнялось, стало глубоким и спокойным. Он спал. Крепко, без тревожных всхлипов и стонов, которых я так боялась. Он просто спал, отсыпаясь после долгой борьбы, в которую был вынужден вступить. Я поцеловала его в макушку и выдохнула с облегчением. Всё было не зря. Мы справились.

В дверь сарая заглянул первый утренний луч солнца. Золотистая пыль танцевала в свете, а где-то за стенами начинал просыпаться город. Слышались голоса, стук копыт, скрип телег. Город оживал, и я чувствовала, что мы тоже оживаем.

Я уже собиралась подняться и попытаться найти хоть какую-то помощь, когда услышала шаги. Тяжёлые, уверенные. Кто-то приближался к сараю. Сердце ёкнуло. Неужели те бандиты вернулись? Или, что ещё хуже, кто-то проверил мою историю про барона и понял, что это ложь?

Шаги остановились прямо у входа. Я замерла, крепче прижимая к себе Тима и молясь всем богам, чтобы нас не заметили.

— Эй, — раздался женский голос. Грубоватый, но не злой. — Я знаю, что ты там. Выходи. Поговорить надо.

Я не ответила.

— Послушай, девочка, — продолжил голос, и в нём слышались нотки раздражения. — Я видела, как ты вчера сюда забежала. И слышала, как этот жирный червяк Торгес тебя выгонял. Так что не дури. Выходи по-хорошему.

Делать было нечего. Я медленно поднялась, стараясь не потревожить Тима, и направилась к выходу.

На пороге стояла женщина лет сорока, крепкого телосложения, с загорелым лицом и внимательными серыми глазами, в которых горел холодный огонь. Одета просто, но со вкусом, словно каждая нитка была на своем месте. На поясе висела связка ключей, звенящая при каждом её движении.

— Ну вот, — сказала она, оглядывая меня с ног до головы, как товар на рынке. — И что же мы имеем? Беглянка, помощница лекаря, спящий ребёнок и полное отсутствие перспектив.

— А вас это касается? — спросила я, стараясь, чтобы мой

голос звучал увереннее, чем я сама себя чувствовала.

Женщина усмехнулась.

— Меня зовут Берта. Я держу таверну «Кружка эля» на соседней улице. А касается это меня потому, что я не люблю, когда в моём районе беспризорники прячутся по сараям.

Она подошла ближе, внимательно посмотрела на Тима.

— Лихорадка? — деловито спросила она.

— Была, — ответила я. — Теперь всё в порядке.

— Понятно, — кивнула Берта. — Послушай, девочка...

— Алира.

— Слушай, Алира. Предложение такое. Мне нужна посудомойка. Работа тяжёлая, грязная, платить особо нечем. Но кормить буду, и место для вас обоих в кладовке найдётся.

Я уставилась на неё.

— Почему? — просто спросила я. — Почему вы хотите помочь?

Берта пожала плечами.

— А почему ты потратила дороговую настойку на чужого ребёнка? — парировала она. — Иногда люди делают что-то просто потому, что это правильно.

Она развернулась и сделала несколько шагов к выходу, затем обернулась.

— Решай быстрее. Мне нужно готовиться к открытию таверны. Согласна — пойдём. Нет — удачи тебе.

Я посмотрела на Тима. Его лицо было спокойным, дыхание ровным. Время шло, а у меня не было выбора.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Берта кивнула.

— Тогда пошли. И побыстрее. У меня через час первые посетители, а посуда со вчерашнего вечера не мыта.

С этими словами она вышла из сарая, оставив за собой шлейф надежды и новых загадок.

Я взяла Тима на руки и последовала за ней. Его камешек с именем лежал на груди, напоминая о том, что теперь у меня есть не просто ребёнок, а Тим. Мой Тимоша.

Я пошла за ней. Она шла быстро, не оборачиваясь, а я с трудом поспевала, прижимая к себе спящего Тима. Через несколько минут мы свернули на широкую улицу, где царили шум и суeta. Наша цель, таверна «Кружка эля», выглядела как обычное, ничем не примечательное заведение. Но для меня она была спасением.

Берта открыла дверь и жестом пригласила меня внутрь. Запах жареного мяса и хмельного эля ударил мне в нос. Внутри было чисто, но темно. Из окон, занавешенных плотными шторами, пробивались лишь тусклые лучи света. Я огляделась. Здесь не было никого, кроме Берты. Стены украшали деревянные щиты, а в углу, на подмостках, стояла лютня.

— Проходи, — сказала Берта. — Кладовка вон там. — Она махнула рукой в сторону маленькой двери. — Можешь уложить ребёнка. А если нужно освежиться — умывальник в коридоре, в закутке за лестницей. Нужник во дворе, через

заднюю дверь. Через час начнётся работа.

Я кивнула и пошла в указанном направлении. Кладовка была крошечной, но здесь было всё, что нам нужно: кровать, застеленная грубым одеялом, небольшая тумба и даже маленькое, мутное зеркало.

Я осторожно опустила Тима на кровать. Он уютно устроился на грубом одеяле и продолжил спать, зарывшись носом в подушку. Я постояла над ним, прислушиваясь к его спокойному дыханию. Затем присела на тумбу, чувствуя, как с меня стекает напряжение. Мы в безопасности. Хотя бы пока.

Я посмотрела в зеркало. В нём отражалось моё лицо — грязное, уставшее, худое, с синяками под глазами от бессонной ночи. Рыжие волосы выбились из косы тонкими прядками, обрамляя острые скулы. Кожа была бледной, почти прозрачной, словно через неё просвечивала сама жизнь. Я была тощей — не изящно худой, а именно тощей, как голодная кошка. Но даже в таком состоянии это лицо было... красивым.

Высокие скулы, правильные черты, большие зелёные глаза с длинными ресницами. Классическая красота, которую не могли испортить ни голод, ни усталость. Интересно, каким была Алира до того, как попало в руки Торгеса? Наверняка настоящей красавицей.

Но сейчас главное — это было лучше, чем то, что осталось там, в той больничной палате.

Воспоминания накрыли меня волной, внезапной и болез-

ненной.

Павлова Арина Викторовна. Шестьдесят четыре года. Пенсионерка с активной жизненной позицией. Развелась с мужем лет двадцать назад — не сошлись характерами. Дети выросли, разлетелись по городам и странам, обзавелись своими семьями. Навещали по праздникам, звонили раз в неделю из чувства долга.

А я... я жила. По-настоящему. Ходила на курсы иностранных языков, изучала психологию, посещала театральную студию. Путешествовала, насколько позволяла пенсия. Читала всё подряд. Была той самой активной бабушкой, которая не сидит дома с котом, а с жадностью изучает мир.

И вот в один обычный вторник, стоя на кассе в магазине, я почувствовала, как мир начинает расплываться. Голова закружилась, ноги подкосились. Последнее, что помню — как падаю, роняя пакет с молоком.

Очнулась в больнице. Врач — молодой, усталый — объяснил без обиняков: инсульт. Обширный. Правая сторона тела парализована. Речь нарушена. Шансы на восстановление... ну, скажем так, не стоит особо надеяться.

А потом начались сны. Сначала я думала, что это побочный эффект лекарств. Закрывала глаза в больничной палате, а открывала где-то совсем в другом мире. В теле девушки по имени Алира. Голодной, забитой, несчастной.

Эти сны были такими яркими, такими реальными, что я просыпалась с ощущением, будто прожила там целые дни.

Я чувствовала голод Алиры, её страх перед Торгесом, усталость от бесконечной работы. Я помнила её воспоминания — приют, откуда её выгнали в семнадцать лет, жестокость надзирательниц, вечное чувство ненужности.

Поначалу я воспринимала это как галлюцинации. Мозг, повреждённый инсультом, рисовал мне фантазии. Но сны становились всё длиннее, всё реальнее. А в больнице я чувствовала себя всё более чужой, словно моё настоящее тело было где-то там, в мире Алиры. И в один момент я поняла — я больше не сплю. Я не проснусь в больничной палате. Алиры больше было, я была одна, и это моя новая реальность.

Тело Алиры было в ужасном состоянии. От постоянного недоедания девушка еле держалась на ногах. Но у меня была память двух жизней: моя собственная и Алиры. А память Алиры содержала знания о травах, о лечении, о том, как готовить настойки и отвары.

Первым делом я взялась за восстановление сил. Алира никогда бы не посмела взять что-то из запасов Торгеса — слишком боялась. Но я не она. Я Арина Викторовна, которая прожила жизнь и не собиралась терять новую. Я аккуратно, по чуть-чуть, таскала ингредиенты для восстанавливающих настоек. Корень женьшеня, листья крапивы, мёд, когда удалось его достать. Готовила эликсиры по ночам, когда Торгес спал пьяным сном. Пила понемногу, чтобы не вызвать подозрений.

Силы постепенно возвращались. Щёки порозовели, руки

перестали дрожать от слабости. Я планировала полностью восстановиться, а потом уйти от Торгеса и начать новую жизнь. У меня были планы — найти работу, может быть, открыть собственную лечебную практику. В конце концов, я знала гораздо больше этого шарлатана.

Но судьба распорядилась иначе.

В то утро, когда к дверям лечебницы подкинули Тима, моё сердце — сердце Арины Викторовны, матери и бабушки — дрогнуло. Этот маленький, худой мальчик был такой же голодный и никому не нужный, как когда-то была Алира.

Я не могла пройти мимо.

Поэтому потратила настойку серебристого гриба, зная, чем мне это может обернуться. Поэтому сейчас мы оба здесь, в крохотной кладовке таверны "Кружка эля".

Я вынырнула из воспоминаний и посмотрела на спящего Тима. Он лежал, свернувшись калачиком, одна худенькая ручка лежала на одеяле. Дыхание было ровным, лицо спокойным. Лихорадка отступила.

— Ну что, Тимурка, — прошептала я, осторожно поправляя одеяло. — Теперь у нас будет нормальная еда. Наберёмся с тобой сил и подумаем, как жить дальше.

Он не проснулся, только чуть поёжился во сне. Маленький, беззащитный. Но живой. Мы оба живы, и это уже победа.

За дверью слышались звуки — Берта готовилась к открытию таверны. Стук посуды, скрип половиц, приглушённый

ное бормотание. Скоро мне придётся выйти и начать работать. Мыть посуду, убирать, прислуживать посетителям.

Я усмехнулась своему отражению. Арина Викторовна, в прошлом медсестра в приемном покое, активная пенсионерка, будет мыть кружки в захолустной таверне. Жизнь — штука с причудами.

Но я не жаловалась. В прошлой жизни меня ждала инвалидная коляска и медленное угасание в больничной палате. А здесь... здесь у меня есть новое тело, новая жизнь, новые возможности. И ребёнок, который нуждается во мне.

— Эй, Алира! — крикнула Берта из главного зала. — Живая там?

— Иду! — отозвалась я.

Я ещё раз взглянула на Тима, убедилась, что он спит спокойно, и вышла из кладовки.

Берта стояла возле стойки, раскладывая чистые кружки. Окинула меня взглядом с ног до головы.

— Выглядишь как тень. Когда последний раз нормально ела?

— Не помню.

— Понятно. — Кивнула на стол в углу. — Там хлеб и сыр. Поешь сначала, а потом за работу. Мёртвые мне не нужны.

Я подошла к столу. Хлеб свежий, мякиш мягкий и ароматный. Сыр жёлтый, с дырочками, пахнет домом и достатком. Откусила кусочек и едва не застонала от удовольствия. Когда месяцами голодаешь, простая еда кажется пиром богов.

— Не торопись, — Берта наблюдала, как я жадно ем.

Я кивнула, заставляя себя есть медленнее. После месяцев впроголодь нужно осторожно возвращаться к нормальному питанию.

— Спасибо. За еду. За кров.

Берта пожала плечами.

— Рано благодарить. Посмотрим, как работать будешь. — Указала на груды грязной посуды возле очага. — Вот твоё рабочее место. Моешь, сушишь, расставляешь. Клиенты начнут приходить через час.

Посуды действительно было много — кружки, тарелки,

ложки, ножи. Всё покрыто засохшими остатками еды и пивной пеной. В прошлой жизни посудомоечной машины не было. Так что не белоручка.

Руки покраснели от холодной воды, спина заныла от неудобной позы, но я продолжала. Это было медитативно — простые движения позволяли мыслям течь свободно.

— Первые посетители! — объявила Берта, глядя в окно. Дверь таверны распахнулась, и внутрь вошли трое мужчин. Крепких, загорелых, с мозолистыми руками. Каменщики или плотники, судя по запаху свежего дерева.

— Доброе утро! — бодро поприветствовала их Берта. — Что будем брать?

— Как обычно, — ответил самый старший. — Эль и кашу. Да погуще наливай, Берта. День тяжёлый предстоит.

Я наблюдала за Бертой, изучая её манеру общения. Она улыбалась, шутила, но держала дистанцию. Дружелюбная, но не фамильярная. Профессионал. Она знала, как общаться с людьми, чтобы они чувствовали себя желанными гостями, но не переходили границ.

— Эй, а это кто? — один из рабочих заметил меня. — Новенькая?

— Алира, — представила меня Берта. — Помощница. Пока учится.

Мужчина оглядел меня с интересом. Не похотливо, просто с любопытством.

— А это та, что у Торгеса работала?

— Торгес идиот, — коротко ответила Берта, словно это объясняло всё на свете. — Поэтому она теперь у меня.

Я почувствовала, как краснею.

— Не смущайся, девочка, — добродушно сказал рабочий. — Мы не кусаемся. Честные люди.

Он действительно выглядел честным. Открытое лицо, добрые глаза. Простые работающие мужики, которые зарабатывают на хлеб потом и мозолями.

— Алира, принеси им каши, — велела Берта. Я кивнула и направилась к очагу, где в большом котле булькала густая овсяная каша. Разлила по мискам, добавила кусочки масла..

— Спасибо, красавица, — поблагодарил рабочий, принимая миску.

Постепенно таверна наполнялась. Приходили ремесленники, торговцы, городская стража. Все знали Берту, здоровались, шутили. Атмосфера была домашней, тёплой.

К обеду зашла компания грузчиков с пристани. Здоровенные мужики с красными от выпивки лицами, пропахшие рыбой и портовым развратом. Один из них — рыжий детина с золотыми зубами — сразу уставился на меня.

— Эй, красотка! — гаркнул он, хлопнув ладонью по столу. — А ну иди сюда, покажи, что у тебя под этим платьем!

Таверна притихла. Берта нахмурилась, но я её опередила.

— Под платьем у меня ножи для разделки мяса, — спокойно ответила. — Хочешь посмотреть на них поближе?

Рыжий захохотал.

— Ого, кошечка с когтями! Люблю таких! Он поднялся и направился ко мне, покачиваясь.

Я обернулась, вытерла руки о фартук и улыбнулась.

— Слушай, милый, — сказала я негромко, но так, чтобы слышала вся таверна. — Видишь этот фартук? На нём пятна от вчерашней крови. Берта позавчера кастрировала кабана для засолки. Ножи ещё не затупились, остры и готовы к работе. Я наклонилась ближе, понизив голос до доверительного шёпота: — А ещё я работала у Торгеса. Знаешь, чем он занимался? Бальзамированием покойников. Мои руки до сих пор помнят, как аккуратно удалять... важные мужские органы. Для лучшей сохранности тела, понимаешь?

Рыжий отшатнулся, а я выпрямилась и снова улыбнулась. — Так что садись за стол, заказывай еду и веди себя прилично. Или можешь проверить, насколько твёрдо моя рука. Выбор за тобой.

Мужик сглотнул, пошарил глазами по лицам товарищей — те захихикали и покачали головами.

— Эх, Рыжий, влетел! — рассмеялся один из грузчиков. — Девка тебя как щенка поставила!

— Молодец, красавица! — одобрительно кивнул другой. — В обиду себя не даёт!

— А ты, Рыжий, сиди тихо, — добавил третий. — Видишь — женщина серьёзная, не твоего поля ягода.

Рыжий буркнул что-то себе под нос и сел за стол, уже не решаясь поднять глаза.

— Эля и тушёнки, — пробормотал он.

— Вот и умница, — одобрила я.

Атмосфера в таверне разрядилась. Кто-то даже тихо хмыкнул. Один из каменщиков кивнул мне с одобрением.

К полдню знакомый голос заставил меня обернуться. — Эй, Алира! Один из каменщиков, что пришли утром, стоял у стойки и махал мне рукой. Только теперь я заметила, что его левая рука была забинтована грязной тряпкой, а из-под повязки сочилось что-то жёлтое.

— Ты ведь у Торгеса лечила людей, да? — спросил он, подходя ближе. — Помнишь меня? Эдрик зовут. Ты мне тогда от зубной боли помогла. — А можешь глянуть на руку? — Эдрик протянул забинтованную конечность. — Третий день болит, хуже становится.

Берта нахмурилась.

— Эдрик, это таверна, а не лечебница.

— Да ладно тебе, Берта! — Эдрик умоляюще посмотрел на неё. — Одну минутку! К лекарю идти — полдня потерять, а работа не ждёт.

Берта вздохнула и махнула рукой.

— Только быстро. И за столом в углу, подальше от еды.

Эдрик благодарно кивнул и прошёл к указанному столу. Я последовала за ним, мозг лихорадочно пытался вспомнить всё, что знал о медицине.

— Покажи.

Эдрик осторожно развязал грязную тряпку. Я едва не по-

морщилась от зловония. На ладони зияла рана длиной в палец, края опухшие и красные. Из неё сочился зеленоватый гной.

— Как порезался? — спросила я, внимательно рассматривая рану. — Об железо. Ржавое. Дня четыре назад.

Классическая картина инфекции.

— Эдрик, это серьёзно. Видишь красные полосы, что от раны идут? — Я указала на тонкие алые линии, ползущие по предплечью. — Если не лечить, можешь руку потерять. Или хуже.

Мужчина побледнел.

— А что делать?

Я задумалась. Антибиотиков здесь нет, но есть растения с антибактериальными свойствами.

— Слушай внимательно. Сначала промой рану тёплой кипячёной водой с солью — не горячей, тёплой! Соль убивает заразу. Потом нужно выпустить весь гной — аккуратно надави по краям раны чистой тканью. Найди календулу — такие оранжевые цветки, растут везде. Завари крепкий отвар, остуди и промывай рану три раза в день.

— А ещё?

— Подорожник знаешь? Крупные листья, растёт у дорог. Промой листья, разомни до сока и прикладывай к ране. Меняй каждые несколько часов. И обязательно чистые повязки!

Эдрик внимательно слушал, кивая.

— А если не поможет?

— Тогда к лекарю. Может, придётся рану вскрывать. У меня инструментов нет. — Я посмотрела ему в глаза. — Эдрик, я серьёзно. Это может закончиться очень плохо.

— Понял. — Он осторожно перебинтовал руку чистой тряпкой, которую дала Берта. — Спасибо, Алира. Вот, держи. Он протянул мне медную монетку.

— Не нужно...

— Бери. Знания стоят денег.

Я взяла монету. В этом мире каждая копейка была важна. Эдрик ушёл, а за ним вошли ещё несколько посетителей.

— Неплохо для первого дня, — оценила Берта, когда последний клиент ушёл. — Не падаешь, не путаешься под ногами. За словом в карман не полезешь. Может, и толк из тебя выйдет.

— Спасибо.

— Иди к ребёнку. Поужинайте. А завтра увидим, как дальше жить будете.

Я направилась в кладовку. Тим проснулся и сидел на кровати, растерянно оглядываясь. Увидев меня, заметно оживился.

— Привет, Тимурка. Как дела? Лучше себя чувствуешь?

Он не ответил, но потянулся ко мне руками. Я обняла его, почувствовала, что лихорадка ушла совсем.

— Сейчас кушать принесу, будешь?

— Тогда пойдём, Тимурка, — сказала я, беря его за руку.

— Сначала нужно в туалет сходить, а потом руки помоем.

Мальчик послушно пошёл за мной. Нужник во дворе оказался чистым и не слишком вонючим — Берта явно следила за порядком во всём. Потом мы прошли к умывальнику в закутке за лестницей. Холодная вода была как благословение после долгого рабочего дня. Я умыла лицо, помогла Тиму вымыть руки и лицо. Он терпеливо стоял, пока я осторожно протирала ему щёки влажной тряпкой.

— Вот теперь можно и поужинать, — сказала я. Я принесла ему миску каши и кружку молока...

— Тим, можешь показать мне, сколько тебе лет?

Он поднял руку и показал четыре пальца.

За окном темнело. Первый день нашей новой жизни подходил к концу. Мы были сыты, у нас была крыша над головой.

Я уложила Тима спать, укрыла одеялом, поцеловала в лоб.

— Спи, мой хороший. Завтра будет лучше.

Я села на тумбу и снова посмотрела в зеркало. Лицо было уставшим, но довольным.

За стеной послышался топот — Берта поднималась к себе. Таверна засыпала. А я планировала. Завтра нужно раздобыть нам сменной одежды, привести себя в порядок, в идеале помыться, узнать больше о целебных травах этого мира. Понять, какие знания из прошлой жизни можно применить здесь. Выяснить, есть ли место для женщины с моими навыками.

Но это завтра. А сегодня мы сытые. И даже заработали.

Я легла рядом с Тимом, обняла его. Маленький, тёплый, живой. Мой мальчик. Моя новая семья.

Я проснулась затемно. Тим ещё спал, свернувшись калачиком под одеялом. Лихорадка окончательно отступила — лоб был прохладным, дыхание ровным.

Я осторожно встала, стараясь не разбудить мальчика, и принесла ему завтрак — остатки вчерашней каши и молоко. Он проснулся от запаха еды и молча потянулся ко мне. Ел он неторопливо, но с аппетитом.

— Хорошо, что ты поправляешься, — тихо сказала я, поглаживая его по голове.

За стеной слышались шаги — Берта спускалась вниз, готовить таверну к открытию. Я вышла из кладовки, оставив Тима доедать.

— Рано встаёшь, — заметила Берта, увидев меня у очага.

— Привычка. — Я начала разжигать огонь под котлом. — Берта, можно вопрос? Не могли бы вы помочь нам с одеждой? У нас только то, что на нас надето...

Берта кивнула, словно ожидала этого разговора.

— На чердаке есть старые вещи. Можешь посмотреть, что тебе подойдёт. Больше ничем не могу помочь — дела у меня идут не очень хорошо.

— Спасибо, вы и так много делаете. — Я помедлила. — А где мы с Тимом можем помыться?

— Вода в колодце во дворе. Тазик дам.

— А в городе есть общественные бани? — осторожно спросила я. — После болезни важно хорошо помыться, хворь не любит чистоту.

Берта удивлённо уставилась на меня.

— Ты откуда такая взялась? Вроде из приюта, а рассуждаешь как господская. — Она покачала головой. — У простого народа не принято мыться в банях. Здесь баня только у сумасшедшей ведьмы, на окраине, но нормальный человек к ней не сунется.

Я промолчала, не стала спорить. Но про себя отметила, что попала в тёмный мир. Неудивительно, что болезни косят людей, как траву.

После завтрака я поднялась на чердак. Пыль, паутина, затхлый запах. Но в старом сундуке нашлась одежда — несколько платьев с заплатками, накидка теплая, тоже с дырами, но лучше чем ничего. Даже для Тима кое-что нашлось: штаны и рубашка, правда, великоваты, но можно подвернуть.

В углу под тряпкой обнаружили игрушки — деревянная лошадка с отломанной ногой, тряпичный мячик и даже книжка с картинками. Страницы пожелтели, но картинки ещё можно было разобрать: звери, птицы, какие-то сказочные существа.

— Берта! — крикнула я, спускаясь с чердака с охапкой вещей. — Можно взять игрушки для Тима? И книжку?

— Бери что хочешь, — отмахнулась она. — Мне уже не

пригодится.

Единственная проблема заключалась в том, что вещи были не особо чистыми. В складках ткани копошились какие-то жучки, пахло плесенью и мышами. Надевать такое без стирки было противно.

Я сложила одежду в кладовку, а игрушки показала Тиму. Он осторожно взял лошадку и покрутил её в руках.

— Нравится? — спросила я.

Тим прижал игрушку к груди и кивнул.

Я задумалась о той ведьме с окраины. Может, всё-таки стоит заглянуть к ней? Если она действительно содержит баню, то, возможно, за плату разрешит помыться и постирать вещи. Не может быть, чтобы человек, который ценит чистоту, был совсем плохим.

День прошёл спокойно — привычная работа, уже знакомые лица посетителей. Я мыла посуду, разносила еду, слушала разговоры ремесленников и торговцев. Но видно, что дела у Берты и в самом деле не очень, к обеду таверна была полупустой.

И тут в дверях показался вчерашний рыжий грузчик. Только вид у него был совсем не бравый — он согнулся пополам, лицо его было перекошено от боли. Товарищи поддерживали его под руки.

— Берта, — прохрипел он, — можно к... к твоей помощнице? Спина затекла, не могу разогнуться.

Берта хмыкнула, но кивнула в мою сторону. Я вытерла ру-

ки о фартук и подошла к столу, за который его усадили.

— Ну и что, вчера грубил, а сегодня помощь нужна? — не удержалась я от колкости.

Рыжий покраснел.

— Был дурак, красавица, прости. Помоги, всеми Богами молю. К Торгесу сунулся, так он такую цену за притирку заломил, что мне семью месяц голодом морить. Родители старые... кроме меня, кормильца нет.

— Ладно, горемычный. Раз о родителях помнишь — значит, не совсем пропащий. Слушай сюда.

Я на мгновение прикрыла глаза, пролистывая в памяти страницы старых травников и рецептов.

— Найдёшь мне корень дягиля. Высокое такое растение с белыми зонтиками. Листья молодой крапивы, да не жалей. Почки берёзовые. И самое главное — живицу сосновую, смолу. А ещё кусок свиного сала, только несолёного! Неси всё сюда, я мазь сделаю.

К вечеру он вернулся. Вернее, его почти приволокли. Он уже не стонал, а скулил от боли. На стол лёг засаленный узелок.

— Всё... как сказала...

Я быстро развернула тряпицу. Свежий, упругий корень, пучок злой крапивы, липкие почки и янтарная слеза сосны. Молодец, постарался.

— Берта, можно отлучиться на полчаса? — спросила я хозяйку.

— Иди, только быстро.

На кухне я работала быстро и сосредоточенно. Нож в моих руках двигался уверенно. Острый, пряный дух дягиля ударил в нос. Крапива мстительно впиалась в пальцы сотнями иголок, но я лишь морщилась — её жгучий сок был необходим. Сало зашипело в глиняной плошке над огнём, превращаясь в прозрачный жир. Я бросила туда измельчённые травы, и по кухне поплыл густой, едкий, но целебный аромат.

— В закуток его, чтобы людям аппетит не портил. На скамью. Животом вниз, — скомандовала я, вернувшись в зал с ещё тёплой мазью.

Рыжий с кряхтением улёгся. Я закатала рукава и зачерпнула пальцами пахучую зелёную массу. Мышцы под моей ладонью были твёрдыми, как камень. Сначала я просто втирала мазь, разгоняя тепло. Потом пальцы сами нашли зажатые, воспалённые узлы. Я надавила.

— О-о-ох, матушка! — взвыл он. — Режет, ведьма! Но... отпускает...

Десять минут я разминала его спину, вкладывая в это всю силу и знания, оставшиеся от прошлой жизни. Мышцы постепенно смягчались, расслаблялись под моими руками.

— Вставай. Медленно.

Он осторожно поднялся. Попробовал выпрямиться. Раз. Второй. И выпрямился почти полностью, лишь недоверчиво охая.

— Святые угодники, — прошептал он. — Как рукой сня-

ло! Ты что, ведьма?

— Нет ну ты дурак, скажи мне? Сам же все для мази принес. Просто я разбираюсь в травах. — Я вытерла руки. — Три дня мажься этой мазью, особенно перед сном. И не поднимай тяжести, пока боль совсем не пройдет.

Он полез в карман своей потрёпанной куртки и протянул мне ладонь. На ней лежали три медные монеты.

— Вот... Не густо, но...

— Хватит. Спасибо.

— Нет, это тебе спасибо, красавица. Из тебя выйдет настоящий лекарь.

Рыжий поклонился мне почти до земли и вместе с товарищами, счастливый, отправился домой. А я смотрела на монеты в своей руке и думала: что за деньги, то уж нас старуха точно пустит и помыться, и постираться.

Уважаемые читатели! Если вам понравилась книга, я очень этому рада В этом случае поставьте, пожалуйста, лайк Ну, а если ещё и добавите в библиотеку и напишете коммент, я буду на седьмом небе от счастья, а прода будет писаться ещё быстрее Подпишитесь, пожалуйста, на мою страничку, чтобы быстрее всех узнавать о новостях и обновлениях: <https://litnet.com/shrt/urwS>

Утром, после того как последний из купцов, позавтракавших в таверне, отправился по своим делам, я подошла к Берте. Она сидела за стойкой, пересчитывала медяки и хмурилась из-за того, как мало их оказалось.

— Берта, мне нужно отлучиться, — осторожно начала я. — Прогуляться по городу, заглянуть в лавки. По делам кое-каким.

Она недовольно посмотрела на меня.

— Какие ещё дела? Работать надо, а не по улицам шататься.

— Понимаю, — кивнула я. — Но мне нужно... ну, кое-что купить. И... — я помедлила, — и узнать, где можно нормально помыться. После болезни Тиму это необходимо.

Берта фыркнула.

— Помыться? Да что ты за барыня такая? Вчера ещё в сарае ночевала, а сегодня ванну подавай.

— Не ванну, — терпеливо объяснила я. — Просто горячую воду и мыло. Чистота — это здоровье. А здоровье — это сила работать.

— Нашлась госпожа на мою голову, — буркнула Берта, но в её голосе слышалась не злость, а скорее усталость. — Ладно. До обеда чтобы вернулась. К обеду подтянутся посетители, а мне без помощницы тяжело.

— Обязательно, — пообещала я. — К полудню буду как штык.

Берта махнула рукой, давая понять, что разговор окончен. Я кивнула в знак благодарности и пошла собираться.

В кладовке Тим играл с деревянной лошадкой. Он осторожно катал её по одеялу, издавая тихие звуки — не слова, а что-то вроде подражания лошадиному ржанию. Прогресс.

— Тимоша, — ласково позвала я. — Пойдём прогуляемся?

Он поднял на меня внимательный взгляд. В нём мелькнула настороженность — вдруг я собираюсь его где-то оставить?

— Мы идём искать место, где можно помыться, — объяснила я, надевая на него найденную вчера рубашку. — А заодно посмотрим на город. Любопытно же, где мы теперь живём.

Тим нахмурился и покачал головой. Его глаза округлились от удивления — он смотрел на меня так, словно я сказала что-то совершенно невероятное. Конечно, для него это было странно. Алира прожила в этом городе несколько лет и должна была знать его как свои пять пальцев. А тут она вдруг собирается изучать его, как заезжая путешественница.

— Ну... — я замаялась, подбирая слова. — После болезни у меня в голове туман. Хочется всё заново просмотреть, освежить память.

Мальчик продолжал смотреть на меня с недоумением, но

спорить не стал. Он взял меня за руку и кивнул.

Мы вышли из таверны ясным утром. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и на улицах было многолюдно. Торговцы выставляли товары, ремесленники открывали мастерские, хозяйки спешили на рынок.

Я шла не торопясь, разглядывая город. Он был небольшим — от таверны до любого его конца можно было дойти за полчаса. Дома лепились друг к другу, между ними петляли узкие улочки. Пахло дымом, лошадьми, человеческим потом и ещё чем-то — наверное, рыбой.

— Смотри, Тим, — показала я мальчику на башню, возвышающуюся над крышами. — Видишь? Наверное, это замок местного аристократа.

Тим кивнул, внимательно разглядывая всё вокруг. Его большие глаза впитывали каждую деталь: вывески лавок, лица прохожих, повозки с товаром.

Мы дошли до рынка. Здесь торговали всем — от хлеба до железных гвоздей. Я остановилась у лавки с мылом и тканями.

— Доброе утро, — поздоровалась я с продавцом. — Покажите, какое у вас есть мыло.

Мужчина — лысоватый, с добродушным лицом — развернул передо мной несколько кусков.

— Вот это попроще, для стирки больше подходит, — показал он на серый брусок. — А это лучше, с травами. Для себя брать будете?

Я купила кусок хозяйственного мыла — серого, грубого, но настоящего — и поблагодарила торговца. Этого мыла хватит и на то, чтобы помыться, и на то, чтобы постирать вещи.

От рынка мы направились к окраине. Город, оказывается, стоял между рекой и лесом. С одной стороны была пристань — несколько деревянных причалов, на которых стояли рыбацкие лодки и один большой торговый корабль. С другой стороны — тёмная стена леса, подступающая почти к самым домам.

Я вспомнила слова Берты о сумасшедшей ведьме, живущей на окраине. Если она действительно существует, то логично предположить, что она живёт где-то между городом и лесом.

И вот там, где заканчивались огороды и начинались деревья, стояла одинокая избушка. Небольшая, аккуратная, с крепким забором вокруг. А рядом с ней — небольшая баня. Маленькая, но настоящая.

Я остановилась, разглядывая это жилище. Во дворе на верёвках сушилось бельё — белоснежное, выстиранное до скрипа. Огород был ухоженным, грядки — ровными. У крыльца росли цветы.

Тим дёрнул меня за рукав и покачал головой. Его глаза широко раскрылись от испуга. Мальчик явно знал об этом месте что-то нехорошее.

— Не может человек, любящий чистоту, быть плохим, — пробормотала я себе под нос.

Тим крепче сжал мою руку. Он чувствовал мою нерешительность и тоже нервничал.

— Ничего, Тимурка, — успокоила я его. — Посмотрим, что это за тётя. В крайнем случае — убежим.

Я толкнула калитку. Она скрипнула, но открылась. Мы прошли по дорожке, вымощенной плоскими камнями. Всё здесь дышало порядком и заботой.

У крыльца я остановилась и глубоко вдохнула. Пахло травами — мятой, ромашкой и чем-то ещё, незнакомым, но приятным.

— Ну что, Тим? — шепнула я. — Стучимся?

Мальчик кивнул, хотя в его глазах всё ещё читался страх. Но любопытство оказалось сильнее.

Я подняла руку и постучала в дверь. Три раза, не слишком громко, но достаточно уверенно.

За дверью послышались шаги. Медленные, размеренные. Кто-то приближался к порогу.

За дверью слышались медленные, размеренные шаги. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти. На первый взгляд, ничем не примечательная — среднего роста, крепкого телосложения, седые волосы собраны в простой пучок. Но глаза... глаза были пронзительными, суховатыми, словно видели тебя насквозь.

Она окинула меня изучающим взглядом, затем перевела его на Тима. И вдруг усмехнулась.

— Проходи, — сказала она, даже не дождавшись, пока я что-нибудь скажу. — Баня готова и ждёт тебя.

Я замерла от неожиданности. Откуда она... откуда она знает?

— Не стой на пороге, — добавила женщина, посторонившись и пропуская нас в дом. — Времени у тебя немного.

Мы переступили порог, и я невольно оглядела дом. Небольшой, но очень чистый и добротный. Деревянные стены отполированы до блеска, на полках аккуратно расставлены банки и склянки. Под потолком висели пучки трав — их было так много, что воздух пропитался их ароматом. Здесь пахло мятой, чабрецом и чем-то острым и терпким.

— Меня зовут Алира, — представилась я, всё ещё пребывая в растерянности. — А это Тим. Извините, но... откуда вы знаете, зачем мы пришли?

Женщина снова усмехнулась.

— Тебе разве не сказали, что ты идёшь к ведьме? Или ты думала, что меня так называют просто так? — Она подошла к одной из полок и достала большое чистое полотенце. — Меня зовут Тора.

Она протянула мне полотенце, а затем — небольшую котомку.

— Здесь чистая одежда для вас обоих, — пояснила она. — Как раз вашего размера.

Я заглянула в котомку. Действительно, простое, но чистое платье для меня, рубашка и штаны для Тима. Всё выглядело так, словно было сшито специально для нас.

— Люди не говорят просто так, — продолжила Тора. — Но ведьмы бывают разные. Баня готова, можете идти.

Я потянулась к поясу, где лежали мои последние медные монеты.

— Сколько...

— Денег мне твоих не надо, — оборвала она меня, глядя на мои жалкие сбережения. — Они тебе ещё пригодятся. И поторопись. — Её голос стал серьёзным, почти предостерегающим. — Ждут тебя сегодня плохие вести. Большого сказать не могу, но чем быстрее ты вернёшься, тем лучше.

Сердце ёкнуло. Плохие новости? Что она имеет в виду?

— Что вы...

— Иди, — настойчиво повторила Тора.

Я взяла Тима за руку, и мы направились к бане. У меня

в голове роились вопросы, но что-то подсказывало мне, что лучше послушаться.

Баня оказалась небольшой, но устроенной по всем правилам. Парилка с каменкой, рядом — предбанник со скамьёй, где можно спокойно раздеться и одеться. Воздух был влажным и горячим, пахло берёзовыми листьями и чистотой.

— Ну что, Тимурка, — сказала я мальчику, — давай сначала приведём тебя в порядок.

Я оторвала кусок ткани от своего старого дырявого фартука, намылила его и принялась отмывать ребёнка. Грязи с него сошло столько, что вода в тазу стала почти чёрной. Но когда я добралась до волос...

Я замерла, не веря своим глазам.

Волосы Тима, очищенные от грязи и пыли, оказались не такими тёмными, как я думала. Они были белоснежными. Не седыми, не светло-русыми — именно белыми, как первый снег, и при этом блестящими, словно каждый волосок был посыпан серебряной пылью.

Таких волос я никогда не видела. Ни в прошлой жизни, ни в воспоминаниях Алиры.

— Тим, — прошептала я, — ты... откуда у тебя такие волосы?

Мальчик посмотрел на меня своими большими тёмными глазами, но, конечно же, ничего не ответил. Просто смотрел, словно удивляясь моему удивлению.

Я завернула его в полотенце, отнесла в предбанник и пе-

реодела в чистые вещи от Торы. Как она угадала с размером — загадка, но всё село идеально.

— Посиди здесь, — сказала я ему. — Мама... — Слово вырвалось само собой, и я поняла, что уже думаю о Тиме как о сыне. — Мама быстро помоемся, и мы пойдём домой.

Собрав все наши грязные вещи, я вернулась в парилку. Работала быстро — стирала, полоскала, отжимала. Мыло таяло в руках — на стирку ушло пол куска, но результат того стоил. Вещи стали чистыми, хотя и мокрыми.

Потом я занялась собой. Давно я так тщательно не мылась. Горячая вода, настоящее мыло, возможность смыть с себя всю грязь и усталость последних дней. Когда я закончила, от мыла остался жалкий огрызок, но я чувствовала себя человеком.

Я быстро переоделась в чистое платье и вышла в предбанник, где меня терпеливо ждал Тим. Он сидел на скамейке, болтал ногами и рассматривал свои руки — видимо, тоже удивляясь тому, какими чистыми они стали.

— Пойдём поблагодарим тётю Тору, — сказала я, взяв сумку с мокрыми вещами.

В доме нас уже ждала хозяйка. Она стояла у печи, помешивая что-то в котле, и обернулась, как только мы вошли.

— Чай не предлагаю, — сказала она без предисловий. — Вам нужно бежать. Почему и из-за чего — не вижу, но чем раньше вы вернётесь туда, откуда пришли, тем лучше для вас.

Она подошла ко мне и легко коснулась рукой котомки с мокрыми вещами. От ткани тут же пошёл пар, а через мгновение всё высохло.

— Как вы...

— Ведьма я, — коротко напомнила Тора. — А теперь идите.

Я поблагодарила её — за баню, за чистые вещи, за помощь. Взяла Тима за руку и направилась к двери.

— Тора! — окликнула я её на пороге. — Что вы имели в виду, когда сказали, про плохие вести??

Женщина помедлила.

— Не знаю, — призналась она. — Я вижу только тень, которая преграждает тебе путь. Но если ты поторопишься, то, может быть, и минуешь её.

С этими словами она закрыла дверь.

Мы быстро пошли обратно в город. Тим семенил рядом, то и дело поглядывая на меня. Наверное, удивлялся тому, как изменилась его спутница — чистая, в свежем платье, с аккуратно уложенными волосами.

А я думала о словах Торы. Плохие вести? Что может случиться?

Впереди показались крыши города. До таверны было рукой подать. Но почему-то с каждым шагом беспокойство нарастало. Словно мы шли навстречу чему-то неизбежному.

Когда мы вошли в таверну, Берта оторвала взгляд от стойки. Её брови поползли вверх.

— Рано ты. Ты же до обеда отпрашивалась.

— Так получилось, — ответила я, стараясь говорить ровно. — Дела быстро решились.

Берта кивнула, и отвела взгляд. Что-то в её позе, в её движениях было не так, или я напуганная словами Торы искала везде подвох.

Я отвела Тима в кладовку. Усадила на кровать, дала деревянную лошадку.

— Отдыхай, — шепнула она. — Я рядом.

Его белоснежные волосы блестели в полумраке. Чистый, в свежей одежде, он был похож на маленького принца из сказки. Тим кивнул и лёг, но не закрыл глаза — прислушивался к звукам в зале.

Я вышла и принялась за работу. Вытирала столы, ставила кружки. Руки делали привычное дело, но внутри нарастало беспокойство. Слова Торы не выходили у меня из головы.

Проходя мимо стойки, я случайно взглянула на то, что лежало перед Бертой.

Деньги.

Много денег.

Не медяки, которые обычно звенели в её кошельке. Серебро. И золото. Настоящие золотые монеты, которые блестели в тусклом свете таверны.

— Ого! — вырвалось у меня. — Пока нас не было, дела пошли в гору?

Берта вздрогнула, словно её ужалили. Руки метнулись к

деньгам и сгребли их в кучу.

— Продала кое-что, — пробормотала она, не глядя на меня. — Старые вещи.

Деньги исчезли в кожаном мешочке. Берта встала и быстро направилась на кухню..

Я осталась стоять у стойки. Удивленная реакцией Берты, ну да ладно, у каждого свои тараканы.

В дальнем углу зала сидели знакомые лица — рыжий грузчик с товарищами. Вчера он улыбался и благодарил за помощь. Сегодня у всех были каменные лица.

Я подошла к их столику, заставив себя улыбнуться.

— Как дела? Спина не болит?

Рыжий поднял голову.

— Спина в порядке. Спасибо тебе. — Он оглянулся и тихо позвал: — Подойди поближе.

Что-то в его тоне заставило меня наклониться.

— Хорошая ты девка, — зашептал он. — Добрая. Умная. Лечить умеешь. — Пауза. — Тебе бежать надо.

Мир дрогнул.

— Что?

— Тут люди приходили. При нас. — Рыжий говорил быстро и нервно. — Станные такие. На наёмников похожи. С Торгесом были.

В памяти всплыло лицо Торгеса — жирное, злое, самодовольное. Что ему могло понадобиться?

— Плохо выглядел Торгес. Словно его... — Рыжий помор-

щился. — Словно его били. Они прашивали о ребёнке. И о тебе.

Кровь отхлынула от лица.

— Берта сначала молчала, — продолжил рыжий. — А как увидела мешок с монетами... — Он горько усмехнулся. — Сказала, что ты вернёшься к обеду.

Волосы на затылке встали дыбом. В ушах зазвенело.

Берта. Продала нас. У меня оставалось меньше часа, а если наемники решат прийти раньше?

— Надо бежать, — повторил он. — В лес. Подальше от дорог. Мы тебя не видели.

Кивнуть было трудно. Голова словно налилась свинцом. Ноги стали ватными.

Тим. Мой мальчик, во что мы вляпались.

Я метнулась в кладовку, сердце колотилось где-то в горле. Котомка стояла там же, где я ее оставила утром. Я схватила ее одной рукой, а другой потянулась к Тиму.

— Тимурка, — я присела перед ним на корточки, стараюсь говорить ровным голосом. — Нам нужно уйти. Прямо сейчас. Сюда идут плохие люди. Понимаешь?

Деревянная лошадка замерла в его руках. Большие тёмные глаза — два озера на бледном лице — впились в моё лицо. Он видел мой страх, моё отчаяние. И кивнул. Медленно, серьёзно. Как взрослый мужчина.

Я обвела взглядом кладовку. Четыре стены, кровать с грубым одеялом, покосившаяся тумбочка. Наш дом последние два дня. Что здесь наше?

Ничего. Совсем ничего.

— Пойдём, — прошептала я, поднимаясь.

Взяла его за свободную руку. Пальчики тёплые, доверчивые. Мы прошли в зал таверны. Пахло остывшим жареным мясом и пролитым элем. До двери было всего десять шагов. Десять шагов до свободы.

Из кухни выскочила Берта. Движения резкие, судорожные. Перегородила нам путь, раскинув руки, как пугало.

— Куда это ты собралась? — Голос дрожал и срывался на высоких нотах. — Займись лучше работой! Протри столы!

Она стояла между нами и выходом. Лицо красное, как варёный рак. Глаза бегают из стороны в сторону — не могут остановиться на одном месте. Руки мелко дрожат.

— Уйди с дороги.

Слова вырвались сами собой, грубо и зло. Я толкнула её в плечо. Не сильно — просто отодвинула с дороги. Но Берта отшатнулась, споткнулась о низкий табурет и чуть не упала.

— Алира! — завопила она нам вслед. — Куда ты?! Стой же!

Мы уже выбегали на улицу.

Дневное солнце било в лицо, заставляя щуриться. От копыт лошадей и колёс телег поднималась пыль. Торговцы зазывали покупателей, женщины торговались из-за цен на капусту. Пахло конским навозом, пылью, человеческим потом и дымом из печных труб. Обычная, живая, шумная городская жизнь. А у меня под рёбрами колотилось сердце, готовое выскочить наружу.

Тим семенил рядом своими маленькими ножками, но я чувствовала, что он не поспевает за моими широкими шагами. Я взяла его на руки. Сумка больно врезалась в плечо, но сейчас было не до этого.

— Держите её! — крик Берты разрезал уличный шум, как нож. — Держите воровку! Она украла!

Головы поворачивались в нашу сторону. Пальцы указывали. Рты приоткрывались от любопытства. Но я уже свернула за угол и нырнула в толпу на рыночной площади. Здесь

было многолюдно: торговцы, покупатели, зеваки. Женщина с ребёнком на руках и котомкой на плече — обычное дело. Я растворилась среди них, как капля в море.

Узкие улочки петляли между покосившимися домами. Я бежала наугад, лишь бы подальше от таверны. Ноги сами несли меня к пристани — туда, где пахнет водой и свободой.

Пристань встретила нас совсем другими запахами. Солёный ветер с реки доносил ароматы водорослей, мокрых канатов, рыбы. Над головой кричали чайки, ныряя за объедками. Рыбаки чинили сети, напевая себе под нос какую-то незатейливую песенку.

У деревянных причалов покачивалось несколько небольших лодок, но моё внимание привлёк большой торговый корабль. Настоящий морской корабль с высокими мачтами и тугими парусами. На борту сустились матросы — загорелые бородатые мужчины в грубой одежде.

У трапа толстяк в засаленной куртке что-то записывал в толстую книгу. Перо скрипело по пожелтевшей бумаге. Капитан — это было видно по тому, с каким почтением к нему обращались матросы.

— Господин капитан! — окликнула я его, подбегая.

Он поднял голову. Маленькие хитрые глазки скользнули по моему лицу, задержались на котомке, на Тиме в моих руках. Оценивающий взгляд торговца, привыкшего быстро определять, сколько можно содрать с клиента.

— Что тебе нужно, красавица?

— Можете взять пассажиров? Меня с мальчиком?

— Можно. — Он снова склонился над книгой, как будто разговор его уже не интересовал. — Два серебряных за каждого.

Четыре серебряные монеты. В моём кошельке жалобно звенели медяки — потрёпанные, потемневшие от времени. Всё моё богатство.

— А если я отработаю проезд? — Слова сыпались быстро и отчаянно. — Я лекарь. Знаю травы, умею лечить людей.

Капитан перестал писать. Поднял голову, прищурился. Теперь он смотрел внимательнее, словно видел меня впервые.

— Лекарь, говоришь?

— Да. Могу помочь вашей команде, если кто-то заболел...

— Хм, — он отложил перо и почесал бородатый подбородок. — А что, неплохо. Наш корабельный лекарь уже третий день как в запое, валяется в кабаке. А матросы жалуются — то живот крутит, то голова трещит. Ладно, девка. Договорились.

Воздух хлынул в лёгкие — я и не заметила, что всё это время задерживала дыхание.

— Когда отплываем?

— К вечеру. Как только солнце скроется за горизонтом. — Капитан снова взялся за перо. — Груз ещё не весь погрузили. А куда путь держим и не спросишь?

— Да куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Мы придём к отплытию.

— Смотри не опоздай. Корабль не нарушает расписание. Отплываем точно в срок.

Вечер. Целый день ожидания. Слишком много времени — а вдруг наёмники заглянут и сюда?

Я отошла от трапа, ноги подкашивались. Опустила Тима на дощатый настил причала — руки ныли от его веса, хоть он и был лёгким. Мальчик сразу взял меня за руку и поднял на меня серьёзный взгляд.

В них читался немой вопрос: «Что будет дальше?»

— Поплывём на корабле, — тихо сказала я, присев рядом с ним на корточки. — В другие места. Там нам будет лучше.

Он кивнул, не отрывая от меня взгляда. Он доверял мне полностью, безоговорочно. Как доверяют дети.

Желудок свело от голода — когда мы в последний раз ели? Утром немного каши? В животе урчало так громко, что даже Тим обратил на это внимание.

Неподалёку торговали едой. Рыбачка в залатанном фартуке раскладывала на прилавке серебристую рыбу, ещё пахнущую речной водой. Рядом пекарь выкладывал на поднос румяные булочки — от них исходил дразнящий аромат свежего хлеба.

— Пойдём купим что-нибудь поесть, — сказала я Тиму. — А потом найдём место, где можно спокойно посидеть до вечера.

До отплытия ещё целый день. Его нужно пережить, спрятавшись так, чтобы нас никто не нашёл.

Тим молча шёл рядом по мокрым доскам причала. Его белоснежные волосы ярко блестели на солнце, выделяя его из толпы, как драгоценный камень среди обычных булыжников.

Нужно будет чем-нибудь накрыть ему голову. Такого необычного ребёнка слишком легко найти. И те люди, которые его ищут, наверняка знают, как он выглядит.

Я купила у пекаря небольшую булку. Румяную, еще теплую, пахнущую дрожжами и печным жаром. Протянула медную монетку — мужчина кивнул, протирая руки фартук.

Нужно было найти место, где нас не увидят. Я оглядела пристань. Повсюду сновали люди: грузчики тащили мешки, торговцы зазывали покупателей. Слишком открыто.

— Пойдём, Тимурка, — шепнула я.

Мы пробрались между рыбацкими лодками, стоявшими на берегу. Старые, потрёпанные штормами, они пахли дёгтем и водорослями. Здесь было тихо, и нас не могли увидеть любопытные глаза.

Я присела на перевёрнутый ящик и достала булку. Разломила её пополам — протянула половину Тиму.

Пока мы ели, я достала из котомки свой старый фартук. Уже рваный мной. Я окончательно его порвала, и получился кусок грубой ткани.

— Тим, — позвала я мальчика. — Давай я перевяжу тебе

голову.

Он послушно наклонил голову. Я аккуратно накрыла его белоснежные волосы тканью и завязала узлом на затылке. Получилась самодельная бандана, скрывающая его главную примету.

— Так лучше, — пробормотала я. — Теперь ты обычный мальчишка.

Он потрогал ткань на голове, снимать не стал. Понимает, что это необходимость.

Рядом стояла старая треснутая, разохшая лодка, я положила на дно свою накидку.

— Полежи немного, — сказала я Тиму. — Отдохни.

Устроила его в лодке на котомке, как на подушке. Сама села рядом на песок, прислонившись спиной к лодке. Глаза слипались от усталости, но нельзя было расслабляться. Нужно было следить, чтобы нас не нашли.

Наверное, я отключилась от стресса. В какой-то момент веки стали тяжёлыми, как свинец, и я провалилась в забытие.

Меня разбудил Тим. Он тряс меня за плечо своей маленькой ручкой и тихонько хныкал. Я резко открыла глаза.

Вечер. Солнце низко висело над горизонтом, окрашивая небо в оранжевые и красные полосы.

Господи, только бы не опоздать!

Я вскочила и огляделась. Корабль стоял у причала, но на палубе что-то происходило — матросы сворачивали канаты, готовясь к отплытию.

— Быстро, Тимурка!

Я схватила котомку и взяла мальчика на руки. Мы выскочили из-за лодок и побежали к причалу.

Ещё немного — и мы опоздаем.

Я уже подбегала к кораблю, когда увидела их.

У трапа стояли два человека. Один — до тошноты знакомый Торгес. Жирный, потный, но сейчас не наглый. Забитый. Лицо в синяках, губа разбита. Рядом с ним — грузный мужчина в кожаных брюках и черной рубаше. Лица не видно но чувствовалось в нем, что-то такое мерзкое, опасное.

Они стояли и оглядывались. Искали.

Я застыла как вкопанная. Сердце ушло в пятки.

Слишком поздно. Мы опоздали. Они уже здесь.

Развернуться. Тихо уйти. Пока не заметили.

Я медленно пятилась назад, крепко прижимая Тима к груди. Шаг за шагом. Тихо, осторожно.

Почти дошла до начала причала. Ещё немного — и скроюсь за углом дома.

На плечо опустилась тяжёлая рука.

— Попалась, крыса. Заставила же ты нас побегать, — голос был грубым, хриплым. — Думаешь, ты умнее всех? Думаешь, можно украсть пацана и смыться?

Я обернулась. Высокий мужчина в тёмном плаще смотрел на меня холодными глазами. Лицо изрезано шрамами, руки в кожаных перчатках. Наёмник — это читалось в каждом его движении.

— Три дня мы тебя искали, дрянь! — рывкнул он, сжимая моё плечо. — По всему городу рыскали! А ты тут прячешься, как таракан!

Тим крепче прижался ко мне. Я чувствовала, как дрожит его маленькое тельце.

Второй мужчина подошёл ближе. Лицо жестокое, на щеке свежий порез. Он окинул меня похотливым взглядом.

— Хватит болтать, Корк, — проворчал он. — Берём пацана и валим. А с этой потаскухой... — Он облизнул губы. — С этой потаскухой мы потом повеселимся. Покажем ей, что бывает с теми, кто лезет не в своё дело.

— Не торопись, Григ, — ухмыльнулся первый. — Сначала она нам расскажет, зачем украла пацана. Хозяин хочет всё знать. А уж потом... — Он противно засмеялся. — Потом займёмся воспитанием. Научим, как надо слушаться.

— Отпустите нас, — сказала я, стараясь говорить твёрдо. — Мы никому не сделали ничего плохого.

— Ничего плохого? — Корк сжал моё плечо ещё сильнее. — Да ты украла ценную вещь! Этого белобрысого ублюдка! Думаешь, мы не знаем, кто он такой?

— А теперь, падаль, отдавай мальчишку, — прошипел Григ, протягивая руки к Тиму. — И без фокусов! А то мы с тобой такое сделаем, что будешь молить о смерти!

— Мечтать не вредно, — огрызнулась я.

И резко подняла колено, целясь Григу между ног. Он взвыл и согнулся пополам. В этот же момент я всем весом

наступила Корку на ногу, вонзив каблук в его стопу.

— Тварь! — заорал он, ослабляя хватку.

Я рванулась в сторону, крепко прижимая Тима к груди. Но Корк, хромая, бросился следом.

— Никуда ты не денешься! — рычал он. — Всё равно поймает! И тогда уж точно весело проведём время!

Корк оказался быстрее. Он настиг меня у угла пристани, заломил руки за спину и прижал к каменной стене. Плечи пронзила боль.

— Попалась, — прохрипел он мне на ухо.

Тим упал на доски и заплакал.

Григ подошёл, потирая ушибленное место.

— А теперь поговорим, — ухмыльнулся он.

Но не успела я и пикнуть, как воздух прорезал глухой удар. Звук удара мяса о дерево, короткий и влажный. Корт охнул — удивлённо, словно никак не мог понять, что происходит, — и повалился на бок. Пальцы разжались, отпуская мои запястья. На затылке расплывалось тёмное пятно крови.

Затем последовал второй удар. Григ даже вскрикнуть не успел — рухнул лицом вниз на мокрые от речной воды доски причала. Голова неестественно вывернулась. Из-под него потекла лужа.

Я развернулась, инстинктивно прижимая к груди всхлипывающего Тима. Солёные слёзы мальчика капали мне на шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.